

УДК 141.1 (430) “18”

**ФИЛОСОФИЯ ПЕССИМИЗМА
(АРТУР ШОПЕНГАУЭР)**

В. Б. Колмаков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 декабря 2013 г.

Аннотация: *в статье анализируются причины усиления пессимизма в XIX в., рассматриваются основные принципы философского пессимизма А. Шопенгауэра как способа оценки жизни.*

Ключевые слова: *пессимизм, ценность жизни, страдание, гедонизм.*

Abstract: *the article deals with the causes of pessimism strengthening in the XIX century. Also in the article the philosophical pessimism of A. Schopenhauer is considered as way of an assessment of life.*

Key words: *pessimism, value of life, suffering, hedonism.*

Коренной поворот, великий кризис в сознании западного человечества уже начался. Ясным выражением его являются развитие и успех пессимистических воззрений, по которым существующая действительность есть зло, обман и страдание...

В. С. Соловьев. Чтения о Богочеловечестве

Пессимистические настроения всегда сопровождали человека. Скепсис, в дальнейшем породивший пессимизм, можно обнаружить во многих литературных произведениях позднего Ренессанса. Драматическое ощущение безысходности, никчемности, пустоты человеческой жизни отчетливо проступает в словах Макбета: «Жизнь – только тень, она – актер на сцене. / Сыграл свой час, побегал, пошумел – / И был таков. Жизнь – сказка в пересказе / Глупца. Она полна трескучих слов / И ничего не значит»¹ (перевод Б. Пастернака) [1]. Это настроение перекликается со скепсисом «Опытов» М. Монтеня и пессимизмом «Мыслей» Б. Паскаля. Они выразили характерное для многих деятелей позднего Возрождения разочарование возвышенным отношением к жизни, которое прокламировали гуманистические деятели Кватроченто. Но этот пессимизм, будучи умонастроением, неизбежным для времени великих перемен, не имел еще своего философского обоснования. Пришедшее на смену Возрождению Новое время дало импульс для развития философского пессимизма, но только в XIX в. философия превратила пессимизм, как сказали бы

---

¹ В оригинале эти строки звучат так: «Life's but a walking shadow, a poor player / That struts and frets his hour upon the stage / And then is heard no more: it is a tale / Told by an idiot, full of sound and fury, / Signifying nothing» (действие V, сцена 5) [1, p. 107].

немцы, в Grundbegriff – фундаментальное понятие, задающее духовный облик эпохи.

Наступление философского пессимизма в XIX в. не случайно. Оно было обусловлено началом глубокого разочарования ценностями эпохи модерна. Пессимизм был негативной реакцией на рациональные упования века Просвещения, когда был сформулирован принцип надежды на всемогущий разум и творимую им науку. Однако имеется еще одно обстоятельство, которое необходимо упомянуть. В пессимизме XIX в. (особенно у Шопенгауэра) заметна нота разочарования в гедонизме. Европейские элиты первой половины XIX в. вдруг с нарастающим недоумением столкнулись с ситуацией, когда, потребляя и наслаждаясь, они были вынуждены с горечью осознать, что земное бытие конечно, а гедонизм ограничен. Философское выражение этого умонастроения зафиксировало глубокий пессимизм высших слоев общества в связи с тем, что невозможно предаваться растущим наслаждениям бесконечно.

Радикальное переустройство жизни, начатое Французской революцией, не избавило их от страданий. Кроме того, разорительные и кровавые наполеоновские войны «произвели понижение тона в оптимистических упованиях философии XVIII столетия» [2, с. 157]. Наконец, к созданию теоретического пессимизма подтолкнула мысль И. Канта о том, что мир непрозрачен для разума. Не случайно известный в прошлом исследователь творчества Шопенгауэра Л. Калачинский писал, что его философия немецкого пессимиста «обязана своими основными началами «Критике чистого разума»² [3, с. 6]. Позволительно задать вопрос: если И. Кант – родоначальник философии пессимизма, означает ли это, что он оценивал жизнь со знаком «минус», что исчисляемый объем страданий для него многократно превышал объем радостных переживаний? Скорее всего, нет. Время для теоретического пессимизма во второй половине XVIII в. еще не пришло, идеалы разума не были еще исчерпаны, и поэтому философия И. Канта стала почти одновременно основой как для пессимизма А. Шопенгауэра, так и для оптимизма Г. Гегеля.

Пессимизм, как и оптимизм, есть явление, которое по существу своему можно рассматривать не только как умонастроение, но как имеющее философскую значимость мировоззрение. Заметим, что и оптимизм, и пессимизм получили импульс самостоятельного развития именно в XVIII в., причем век Просвещения был веком оптимизма, а пессимизм усиливается лишь к концу столетия, чтобы в XIX в. быть осмысленным в философии. Этот процесс происходил на фоне углубляющейся секуляризации, вопреки которой религии удалось сохранить значимость и влияние и остаться источником нравственных ценностей. Так произошло, в частности, потому, что религиозное сознание несет синтетическое, снимающее противоречия отношения к миру, для которого характерен как пессимизм, так и оптимизм. Религия не приемлет ни безудержного

---

² Русский гносеолог Е. В. де Роберти (1843–1915) писал, что в теории познания пессимизм «извращает самые простые логические понятия» [4].

оптимизма, ни абсолютного пессимизма, потому что они как самостоятельные мировоззренческие образования не предполагают веры в Бога, впадая в крайность в оценке жизни – каждый по-своему.

Решающий шаг в развитии философского пессимизма сделал выдающийся немецкий философ Артур Шопенгауэр (1788–1860), первым назвавший свое учение пессимизмом. Ему принадлежит пальма первенства в применении понятия «пессимизм» в философском дискурсе. Подобно тому, как вольтеровский «Кандид» познакомил публику со словом «оптимизм», благодаря Шопенгауэру понятие пессимизм вошло в философскую лексику³. Как и многие немецкие философы, он стремился создать (и, надо признать, ему это удалось) системное, абсолютное учение, которое стоит в одном ряду с системостроительством В. Шеллинга, И. Фихте и Г. Гегеля. И хотя основной труд Шопенгауэра «Мир как воля и представление» оставался долгое время незамеченным, написан он был ярко и убедительно. Непревзойденный стиль Шопенгауэра и глубину его образованности отмечали многие, и современники, и потомки. Как пишет Агнесс Тауберт, в конце жизни философа вокруг него сложилась небольшая, но быстро растущая группа сторонников его учения, чье влияние оказалось широко представленным в изящной литературе 50-х – 60-х гг. [5, с. 1]. А вот высказывание В. Виндельбанда: «Эта система была насквозь пропитана образованием своего времени и обязана по сравнению со всеми явлениями современной ей философии, блестящему и сильному по производимому впечатлению изложению» [6, с. 328–329].

Как правило, выделяют два основания, формирующих пессимистический взгляд на жизнь: метафизическое и эмпирическое. Были они и у Шопенгауэра. Метафизическое основание связано с тем, что человек – существо смертное, и ему суждено разделить судьбу всех живых существ, т.е. умереть. Второе основание выражается в неисполнимости многочисленных желаний, невозможности постоянно испытывать наслаждения, что не может не сказаться на умонастроении человека. Поэтому для некоторых исследователей пессимизм предстает скорее как болезнь, нежели способ философского отношения к миру. В связи с этим издавна существует традиция выводить пессимизм Шопенгауэра из причин патологического свойства, связанных с психическими качествами, унаследованными от предков [7, с. 98–99]. Эта позиция не разделяется большинством исследователей творчества немецкого философа. Так, современный немецкий специалист пишет о Шопенгауэре, что «его пессимизм не выводим психологически из него самого, но лишь из философского познания мира» [8, с. 11].

Позиция Шопенгауэра была непривычна для европейской философской мысли. Он буквально взорвал изнутри устойчивый и рациональный мир немецкой классической философии, интеллектуальную ситуацию в котором А. А. Чанышев охарактеризовал следующим образом: «Послекантовский немецкий идеализм основывается на миропонима-

³ Впервые он упомянул его в 1828 г.

нии, согласно которому деятельность мирового начала и благо человека в конечном счете совпадают; люди – дают они себе отчет в этом или нет – совместно осуществляют некий предуготовленный рационально постижимый план» [9, с. 457–458]. Пессимизм Шопенгауэра был пролонгированным ответом на теодицею Г. Лейбница, утверждавшего, что мир беспредельно совершенен. Именно в заочном диалоге с Лейбницем Шопенгауэр сформулировал свою теорию, в основе которой лежал неожиданный принцип – «наш мир – наихудший из всех возможных миров». Это утверждение звучало как пародия на известный оптимистический постулат Г. Лейбница, оно утверждало откровенный пессимизм и отрицало ценность жизни. В пределе эта позиция оправдывала расставание с жизнью, которая по определению безрадостна и не сулит ничего лучшего. Ничего хорошего не было в прошлом, не имеется в настоящем и не предвидится в будущем, потому что жизнь ценностью не обладает. Шопенгауэр писал, что «наше положение так горестно, что решительно следовало бы предпочесть ему полное небытие» [10, с. 277].

Пессимизм Шопенгауэра определялся иррациональностью субстанции – мировой воли, которая не дает возможности человеку удовлетворить свои желания, итогом чего являются страдания. «Для Демокрита, – писал он, – сущим была оформленная материя; тем же, собственно, было оно еще и для Локка; для Канта оно = x ; для меня – воля» [11, с. 71]. Воля неразумна, иррациональна, разрушает целое и разъединяет соединенное, осуществляет экспансию зла в мир человека. Воля есть первичное витальное стремление, существующее само по себе. Этим, как считают некоторые исследователи, учение Шопенгауэра близко пантеизму [12, с. 90].

Рассматривая жизнь как результат действия воли, Шопенгауэр разрабатывал этику жизнеотрицания. С его точки зрения реальность переживается как бессмыслица, выхода из которой нет и не предвидится. Так происходит потому, что, как справедливо отмечает А. Р. Геворкян, в основе пессимизма лежит принцип абсурда, без которого пессимизм в принципе невозможен [13, с. 167]. Исходный тезис Шопенгауэра о жизни гласил, что жизнь есть страдание. Он пришел к выводу, что в жизни чувства недовольства и боли гораздо более могущественны, чем приятные ощущения, и что человек гораздо больше страдает, чем наслаждается. «Всякое удовольствие, – писал он, – или то, что обычно называют счастьем, в действительности всегда имеет лишь отрицательный, а не положительный характер» [10, с. 557]. Поэтому в реальности вполне оптимистическая жажда наслаждений неизбежно приводит к пессимизму. По мнению А. Шопенгауэра, «благополучие имеет чисто отрицательный характер. Вот почему три высшие блага жизни – *здоровье, молодость и свобода*, не сознаются нами, как такие, покуда мы их имеем: мы начинаем сознавать их лишь тогда, когда теряем их; ведь и они – отрицания. Что дни нашей жизни были счастливы, мы замечаем лишь тогда, когда они уступают свое место дням несчастным. В той мере, в какой возрастают наслаждения, уменьшается восприимчивость к ним:

привычное уже не доставляет нам наслаждения. Но именно потому возрастает восприимчивость к страданию, так как утрата привычного заставляет нас очень страдать. Таким образом, обладание расширяет меру необходимого, а с нею и способность чувствовать страдание» [10, с. 483]. Жизнь Шопенгауэру представлялась обманом – и в малом, и в великом. Она неспособна сдерживать обещания, или наоборот, сдерживает их, показывая тем самым, что предмет желаний был недостойн. «Если жизнь что-нибудь дает, – писал Шопенгауэр, – то лишь для того, чтобы отнять» [10, с. 481]. Более того, обманчивость и изменчивость жизни неизбежно приводят человека к мысли, что удовольствие и счастье имеют отрицательный характер, а страдание, наоборот, – положительный.

Итоговый вывод был неутешителен. Шопенгауэр утверждал, что «лучше было бы совсем не существовать. Великие, живые радости можно представить себе лишь как результат предшествовавших великих скорбей, потому что состояние продолжительного довольства может сопровождаться только некоторыми развлечениями или удовлетворением суетности» [10, с. 483]. Не случайно жизнерадостность, т.е. способность радоваться жизни, признавая ее ценность, он уподоблял канату, «который – вообразим себе – протянут над кукольной сценой человеческого мира и на котором, привязанные незаметными ниточками висят куклы: нам только *кажется*, будто они опираются на сцену (на объективную ценность жизни). И стоит этому канату ослабнуть, как кукла сейчас же сникает; если же он оборвется, то кукла неминуемо упадет, потому что на сцену она опиралась только по видимости» [10, с. 300]. Жизнь неустойчива, она едва держится в мире, который балансирует на грани возможного и, как утверждал Шопенгауэр, «если бы он был хоть немного хуже, он бы совсем не мог существовать» [10, с. 490].

Оценивая жизнь, Шопенгауэр не просто утверждал, что она есть нечто несносное. Ведь невзирая на плохие и даже невыносимые условия люди как-то живут (как правило, это им удается, потому что они знают или догадываются, что где-то люди живут еще хуже). По мысли историка философии К. Фишера, Шопенгауэр пошел гораздо дальше, полагая, что «*небытие* мира лучше, чем его бытие и чем всякое бытие вообще» [14, с. 555]. Формулируя позицию Шопенгауэра, Фишер пишет, что его пессимизм превратился в нигилизм, который означает полное отрицание жизни. По Шопенгауэру, «ценность жизни в том и заключается, что жизнь учит больше ее не хотеть» [11, с. 249]. К оптимизму Шопенгауэр относился резко отрицательно, утверждая, что зло в мире преобладает, и для его изображения художникам всегда хватало красок, а вот что касается добра, то при попытках его наглядно представить, художники часто испытывали дефицит изобразительных средств: «Да и откуда взял Данте материал для своего Ада как не из нашего действительного мира?» – спрашивал он. И продолжал: «Когда же, наоборот, перед ним возникла задача изобразить небеса и их блаженство, то он оказался в неодолимом затруднении именно потому, что наш мир не дает материал ни для чего подобного» [10, с. 278]. Оптимизм представлялся ему как

«горькая насмешка над невыразимым страданием человечества». Поэтому он называл его не только нелепым, но и бессовестным воззрением [10, с. 279]. В дальнейшем А. Шопенгауэр развил эту мысль и пришел к мрачному выводу: «Оптимизм изображает нам жизнь в виде какого-то подарка, меж тем как со всей очевидностью ясно, что если бы нам заранее показали и дали попробовать этот подарок, то всякий с благодарностью отказался бы от него» [10, с. 487]. Выходом из мировой скорби у Шопенгауэра является упразднение воли, а значит, и самой жизни. Уход в ничто – принцип, во многом заимствованный Шопенгауэром в буддизме, знакомство с которым началось в Германии в первой четверти XIX в. Столь очевидная крайность дала основание В. Виндельбанду охарактеризовать пессимизм Шопенгауэра как «вывернутый наизнанку оптимизм» [15, с. 292].

По своим первоначальным религиозным взглядам Шопенгауэр был протестант, и влияние протестантизма на его этику отмечается большинством исследователей. Шопенгауэру казалось, что в условиях когда жизнь враждебна человеку, сострадание является достойной нравственной позицией. Сострадание не приносит счастья, но дает покой. Эти идеи перекликаются с мыслями основателя протестантизма М. Лютера. Однако возникнет ли доброе чувство сострадания в озлобленной душе в условиях, когда все позволено? Метафизика Шопенгауэра приводит к выводу, что человек наказывается лишь за то, что он родился. Эта позиция принципиально расходится с христианским пониманием проблемы. Христианство исходит из того, что «всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением» [16, 4, 4]. Поэтому с точки зрения христианства вина человека не в том, что он родился, а в том, что он отошел от Бога, не исполнил данной Богом заповеди, не устоял перед мирскими искушениями⁴ [17]. Невзирая на многочисленные реверансы Шопенгауэра в сторону христианства, его философия пессимизма не предусматривала веры в Бога. Еще в годы учения в Геттингенском университете он выразил в дневнике надежду, что Бога нет [18, с. 58]. В то же время он писал, что «мир не может оправдать себя из себя самого, не может найти основание и конечной причины в себе самом и доказать, что существует он ради себя самого, т.е. для собственной пользы» [10, с. 486]. В 30-х гг. XIX в., когда были написаны эти строки, атеистически-прагматическое понимание мира, подкрепленное наукой и идеей прогресса, находилось в состоянии становления, и миру в то время в любом случае требовалось метафизическое основание. Шопенгауэр отверг идею Бога, заменив ее мировой волей, служившей основанием зыбкого универсума. Фактически Шопенгауэр стремился окончательно освободить мораль из-под опеки религии, т.е. продолжить дело, начатое И. Кантом.

Он не верил в бессмертие души, но, в отличие от оптимистов не восторгался жизнью. Поэтому он предложил своего рода «третий путь»,

---

⁴ «Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не от Отца, но от мира сего».

принимая временами идею метемпсихоза, следы которого он старался обнаружить в Ветхом Завете [18, с. 303]. Эта позиция сближала его с буддизмом, с последним он познакомился из трудов немецкого индолога Фридриха Майера. Шопенгауэр полагал, что ослабление воли к жизни, предлагаемое буддизмом, есть своего рода искупление, для которого помощи Бога не требуется [3, с. 137–139]. В христианстве искуплением стала жертва Иисуса, взявшего на себя все людские грехи. Это не означает их всеобщего прощения, это значит, что человек получил шанс стать лучше и имеет надежду на спасение.

С точки зрения Шопенгауэра, жизнь не обладает ценностью, она есть загадочное сочетание наслаждений и страданий с преобладанием последних, потому что в конечном счете наслаждения ничего кроме страданий не приносят. На что будет нацелен человек, если ему известно, что зло преобладает? Если он уверен в том, что Бога нет, а жизнь имеет отрицательную ценность? Скорее всего, он будет следовать этике гедонизма и эвдемонизма, понимая последний как обладание миром вещей. Или же будет стремиться максимально избежать страданий, что для многих уже будет достаточным счастьем и наслаждением.

Пессимизм Шопенгауэра – это, по мнению А. А. Чанышева, «моральная оценка, выражающая протест против обезчеловечивания мира» [8, с. 458]. С этим можно было бы согласиться, если бы пессимизм мог предложить нравственную программу, не приводящую к нигилизму. Вместе с тем, как отмечал В. Виндельбанд, «под влиянием Шопенгауэра возникла настоящая мания судить о ценности жизни...» [19, с. 226]. Да и сам пессимизм обрел иной по сравнению с первоначальным статус – онтологический статус сменился аксиологическим. С одной стороны, это было связано с утверждением идеи прогресса и принципов либерализма, что неизбежно вело к безграничному оптимизму. С другой – возникла аксиология как отрасль философского знания, и проблема ценности жизни получила в ней свое решение.

Несмотря на то что Шопенгауэр отрицал ценность жизни, его философский пессимизм являл собой пример имманентного подхода в понимании ценности жизни. Он писал, что его философия «предлагает только истолкование того, что дано во внешнем мире и самосознании; она довольствуется тем, что постигает сущность мира в его внутренней согласованности; она, следовательно, имманентна...» [10, с. 539]. Он искал смыслы в пределах физического бытия, в самой жизни, основанием которой служила неукротимая воля. Она порождает жизнь, ценность которой равна нулю. Ведь, по Шопенгауэру, возникновение мира и зла тождественны, и не случайно одной из часто употребляемых им характеристик жизни была ничтожность⁵ [8, с. 37].

Пессимизм Шопенгауэра был эвдемонистическим: человек стремится к счастью, но оно оказывается недостижимым. Несовпадение цели

⁵ В 1837 г. он писал: «Есть лишь одна врожденная ошибка, и она заключается в том, что мы [живем] здесь, чтобы быть счастливыми».

и результата с регулярностью приводило к выводу, что страдание есть неизбежный, быть может, по-своему положительный момент в жизни. С легкой руки Шопенгауэра пессимизм получил широкое распространение не только в философии, но и стал на длительное время одной из доминант европейского сознания.

Литература

1. *Shakespeare W. The Tragedy of Macbeth* / W. Shakespeare. – London, 1911.
2. *Кареев Н. И. Идея прогресса в историческом развитии* / Н. И. Кареев // Кареев Н. И. Собр. соч. – СПб., 1911. – Т. I: История с философской точки зрения.
3. *Калачинский Л. Философское пессимистическое мировоззрение Шопенгауэра и его отношение к христианству* / Л. Калачинский. – Киев, 1887.
4. *Де Роберти Е. В. Пессимистические теории познания : критицизм, позитивизм* / Е. В. Де Роберти // Вопросы философии и психологии. – 1891. – № 4. – С. 48.
5. *Taubert A. Pessimismus und seine Gegner* / A. Taubert. – Berlin, 1873.
6. *Виндельбанд В. Избранное. Дух и история* / В. Виндельбанд. – М., 1995.
7. *Штейн В. Артур Шопенгауэр как человек и мыслитель (1788–1860). Опыт биографии* / В. Штейн. – СПб., 1887. – Т. I.
8. *Dörpinghaus A. Mundus pessimus : Untersuchungen zum philosophischen Pessimismus Arthur Schopenhauers* / A. Dörpinghaus. – Würzburg, 1997.
9. *Чанышев А. А. Учение Шопенгауэра о мире, человеке и основе морали* / А. А. Чанышев // Шопенгауэр А. Собр. соч. : в 6 т. – М., 1999. – Т. I.
10. *Шопенгауэр А. Мир как воля и представление* / А. Шопенгауэр // Шопенгауэр А. Собр. соч. : в 6 т. – М., 1999. – Т. I.
11. *Шопенгауэр А. Parerga и Paralipomena* / А. Шопенгауэр // Шопенгауэр А. Собр. соч. : в 6 т. – М., 2001. – Т. V.
12. *Андреева И. С. Артур Шопенгауэр : жизнь и творчество* / И. С. Андреева. – М., 2001.
13. *Геворкян А. Р. Пессимизм и религия* / А. Р. Геворкян // Вопросы философии. – 1998. – № 1.
14. *Фишер К. Артур Шопенгауэр* / К. Фишер. – СПб., 1999.
15. *Виндельбанд В. История Новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками* / В. Виндельбанд. – СПб., 1905. – Т. II.
16. 1 Тим.
17. 1 Ин. 2, 16.
18. *Гулыга А. Шопенгауэр* / А. Гулыга, И. Андреева. – М., 2002.
19. *Windelband W. Pessimismus und Wissenschaft* / W. Windelband // Präludien. – Berlin, 1924. – Bd. II.